

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**  
**Гурулевой Татьяны Леонидовны**  
**на диссертацию Ван То «Продвижение китайского языка в РФ как**  
**инструмент мягкой силы КНР в 2001 – 2025 гг.», представленную на**  
**соискание ученой степени кандидата исторических наук по**  
**специальности:**

**5.6.7. История международных отношений и внешней политики**

Тема диссертационного исследования, представленная Ван То, является актуальной и важной как с научной точки зрения, так и с общественно-практической. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение китайского языка становится все более востребованным и актуальным в современном мире, особенно в контексте укрепления экономических, культурных и политических связей между Россией и Китаем. Китай является крупным торговым партнером России, и знание китайского языка открывает двери для более эффективного делового общения и сотрудничества. Китай является одним из крупнейших рынков туризма, и знание китайского языка облегчает общение с китайскими туристами в России. Китай – страна с богатой историей и культурой, изучение китайского языка позволяет лучше понять китайскую культуру и традиции. Знание китайского языка может стать конкурентным преимуществом при поиске работы в международных компаниях и организациях.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в работе впервые проведен комплексный анализ продвижения китайского языка в России как инструмента «мягкой силы» КНР в 2001–2025 гг. Это позволило рассмотреть языковую политику как важный элемент культурно-гуманитарного сотрудничества. Кроме того, были выявлены этапы и особенности институционализации изучения китайского языка в России (от начального внедрения в систему школьного образования до распространения через Институты Конфуция и цифровые образовательные платформы).

Исследование отличается обширной документальной базой, состоящей из источников нормативно-правового, делопроизводственного,

публицистического, статистического видов. Также автор опирался на серьезную историографическую базу, состоящую из научных трудов ведущих российских, китайских и англоязычных специалистов по данной проблематике. Ван То провел значительную и трудоемкую работу по систематизации собранного материала на русском, английском и китайском языках. Тщательно проанализировав позиции исследователей разных стран, автор смог сформировать собственный объективный взгляд на изучаемую проблему.

Таким образом, диссертант продемонстрировал соответствие критериям научного диссертационного исследования, а само исследование характеризуется высокой степенью обоснованности и достоверности изложенных научных положений.

Цель и задачи диссертационного исследования, поставленные во введении, выглядят правомерными. Корректно сформулированы объект и предмет исследования. Обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена применением современных методов исторического исследования, следованием автора научным принципам. Высокой оценки заслуживают избранные автором системный и сравнительно-исторический методы, которые помогли объективно выявить и сопоставить механизмы взаимодействия в области языкового обмена и образования.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении диссертации обоснована актуальность, проанализирована степень изученности проблемы исследователями разных стран, определена цель, поставлены задачи, сформулированы объект и предмет исследования, показана научная и практическая значимость работы, а также представлены положения, выносимые на защиту.

*Первая глава* посвящена формированию теоретико-методологического базиса исследования мягкой силы КНР с акцентом на продвижение китайского языка в Российской Федерации. В работе последовательно реконструируется

эволюция концепта «мягкой силы» в западной теории международных отношений, демонстрирующая переход от классического понимания государственного могущества как военного превосходства к признанию значимости нематериальных механизмов влияния, систематизированных в парадигме Дж. Ная. Параллельно анализируется процесс адаптации данной теории в китайской академической среде: от первоначальной рецепции западных идей до выработки собственной концептуальной модели, интегрирующей традиционные философские представления, политическую волю и стратегические интересы государства. Данный теоретический обзор позволяет показать, как концепция мягкой силы в КНР приобрела институционально закреплённый характер, трансформировавшись в инструмент формирования привлекательного национального образа и укрепления внешнеполитических позиций.

Особое внимание уделяется современной инфраструктуре языкового продвижения, в частности деятельности Институтов Конфуция, выступающих значимыми платформами двустороннего культурного диалога. В итоге глава обосновывает необходимость синтеза классических международных теорий с национально-культурной спецификой КНР, создавая тем самым методологическую основу для последующего эмпирического анализа языкового аспекта мягкой силы в российском контексте.

*Во второй главе «Распространение китайского языка в РФ в 2001 - 2013 гг.»* подробно изучается институционализация и распространение китайского языка в Российской Федерации в период 2001–2013 годов. В работе последовательно реконструируется интеграция китайского языка в отечественную образовательную систему на всех уровнях: от дошкольного и школьного звеньев до высшей школы. Подчёркивается, что данный процесс был детерминирован экономическим подъёмом КНР, углублением двусторонних гуманитарных связей и последовательным развитием нормативно-правовой базы сотрудничества. Автор фиксирует методологический сдвиг в сторону коммуникативного преподавания,

существенное расширение академической мобильности российских студентов в Китай, а также трансформацию образовательных треков от исключительно филологических к междисциплинарным, что отражало растущий запрос на специалистов со знанием китайского языка в экономике, праве и технической сфере. Параллельно анализируется эволюция межвузовского взаимодействия, включающая создание ассоциаций, совместных центров и двунациональных университетов, которые выступили платформой для гармонизации академических стандартов и подготовки кадров нового типа.

Важным элементом инфраструктурного обеспечения языкового продвижения в исследуемый период выступает сеть Институтов Конфуция, функционирующая как системный инструмент культурной дипломатии и «мягкой силы». В главе детально раскрывается партнёрская модель функционирования данных структур, базирующаяся на кооперации китайских и российских вузов при методической и финансовой координации со стороны Ханьбань, а также прослеживается динамика их экспансии на территории России.

В третьей главе «Распространение китайского языка в РФ в 2013 - 2025 гг.» отражены системные особенности трансформации механизмов распространения китайского языка в Российской Федерации в период 2013–2025 годов, характеризующиеся переходом от стихийной интеграции к целенаправленной государственной политике в сфере образования. Автор последовательно рассматривает эволюцию преподавания языка на всех ступенях обучения: от внедрения китайского языка в школьные программы и систему государственной итоговой аттестации до расширения сети совместных российско-китайских образовательных программ в высшей школе, включая схемы двойных дипломов и создание трансграничных университетских структур. Особое внимание уделяется институциональным реформам 2020 года, в результате которых координирующие функции Ханьбань были перераспределены между Центром языкового образования и сотрудничества и Китайским международным фондом образования, что

породило новые правовые и управленческие вызовы для российских вузов-партнёров, однако не снизило стратегической значимости Институтов Конфуция как платформы гуманитарного диалога.

Вместе с тем автор фиксирует сохраняющиеся системные ограничения, включая дефицит квалифицированных кадров, недостаточную адаптацию учебно-методических материалов к российским образовательным стандартам и необходимость баланса между внешним ресурсным обеспечением и академической автономией. Таким образом, глава демонстрирует, что период 2013–2025 гг. ознаменовался формированием зрелой, многоуровневой экосистемы изучения китайского языка, сочетающей языковую подготовку с глубоким культурологическим компонентом и ориентированной на долгосрочное укрепление российско-китайских гуманитарных и стратегических связей.

В заключении Ван То подводит основные итоги проведенного исследования, формулирует общие теоретические выводы, определяет направления для дальнейшей работы над темой. В целом, структура выглядит логичной и не вызывает возражений.

Полученные автором научные результаты и сформулированные им выводы предоставляются в достаточной степени обоснованными, характеризуются четкой научной логикой и вносят вклад в исследование проблематики распространения китайского языка в России как инструмента мягкой силы Китая.

Вместе с тем, есть ряд замечаний и вопросов, на которые стоило бы обратить внимание автора:

- 1) Почему хронологические рамки исследования разбиты на два периода, рубежом которых является именно 2013 год?
- 2) Некоторые положения, выносимые на защиту, вызывают ряд вопросов. В пункте 4 указано, что «изучение китайского языка вышло за узкие рамки лингвистики и востоковедения и стало неотъемлемым компонентом

широкого спектра совместных программ двойных дипломов (бакалавриата и магистратуры) по экономике, менеджменту, техническим и естественнонаучным специальностям, педагогике и искусству» (с. 29 дис.). Однако, основная тенденция заключается в том, что обучение китайскому языку в настоящее время внедряется в образовательный процесс большого количества нелингвистических направлений и специальностей вузов России, а СОП двойных дипломов – лишь крайне небольшая часть этого масштабного явления. Также в этом пункте говорится: «произошло практически четырёхкратное сокращение интереса к русскому языку в Китае» (с. 29 дис.), однако в тексте диссертации отсутствуют статистические данные, подтверждающие это утверждение. Пункт 7 положений, выносимых на защиту, о том, что «курс на модернизацию КНР ... выступил решающим импульсом для развития взаимодействия между российской и китайской школами изобразительного искусства» (с. 31 дис.) не получил в диссертации обоснования.

3) На с. 73 дис. указано, что «в наше время Институты Конфуция являются главной движущей силой этого процесса» (имеется в виду изучение и обучение китайскому языку в России). В пункте 6 положений, выносимых на защиту, отмечено, что «Институты Конфуция в России выступают ключевым инструментом распространения китайского языка и культуры...» (с. 30 дис.). Данные утверждения не получили в диссертации должного обоснования и представляются нам весьма спорными. Современная ситуация распространения китайского языка и культуры в России является закономерным итогом длительного процесса становления и развития китаеведческого образования в России, начавшегося в XVIII веке. Автор диссертации не использует в своем исследовании монографию В. Г. Дацьшена «История изучения китайского языка в Российской империи», в которой исследованы этапы этого процесса, а также другие труды, связанные с развитием китаеведческого образования советского периода. В настоящее время в России идет сложный процесс формирования научной методической

школы обучения китайскому языку на основе лучших российских методических традиций обучения иностранным языкам и с учетом специфики китайского языка (проведение исследований, защита диссертаций и др.), к которому Институты Конфуция (ИК) не имеют отношения. В России есть и регионы, и города, и вузы, имеющие давние и славные традиции обучения китайскому языку, однако в них никогда не было ИК. Вместе с тем, наш опыт показывает, что ИК, работающие в системе дополнительного образования, не всегда пользуются современными образовательными ресурсами, отвечающими специфике этого вида образования. Распространение китайского языка и культуры в России является многомерным процессом, имеющим многослойную структуру, реализующимся посредством систем общего, профессионального и дополнительного образования, в том числе, и через многообразные формы образовательного сотрудничества двух стран, одной из которых являются ИК. При этом в диссертации ничего не сказано об изменении статуса ИК после реформы 2020 г., которые из «некоммерческого образовательного учреждения» превратились в «некоммерческое образовательное учреждение, совместно созданное китайскими и зарубежными партнерами» т.е., по сути, в СОУ дополнительного образования.

4) В диссертации наблюдается недостаток собственных статистических данных исследователя. Например, статистика по изучению китайского языка в школах России 2012-2013 гг. взята из хорошо известной работы А.Л. Арефьева, при этом собственные данные автора на исследуемый период 2013-2025 гг. отсутствуют, соискатель лишь отмечает, что «с сентября 2024 г. китайский язык был включён уже в программу 98 школ Москвы» (с. 126 дис.). Остается неясным, сколько школ России реализуют обучение китайскому языку в 2025 г., в каких видах образования и по каким моделям (как первый язык, как второй и т.д.) это происходит? Какова динамика этого процесса? Еще более туманной является ситуация с дошкольным образованием, где вообще не приводится никаких статистических данных. То же касается и системы высшего образования. Сколько вузов России

реализовывали обучение китайскому языку в рамках ОПОП в 2001-2013 г.? Сколько вузов России делают это сейчас (в том числе в рамках СОП разных видов)? По каким направлениям / специальностям это происходит? Это же касается и деятельности ИК. Какова динамика сдачи экзамена HSK в России в ИК до 2013 г.? Какова она в 2013-2025 гг. в целом по России? Имеются лишь отдельные данные о том, что «в 2008 г. экзамен HSK в Институте Конфуция ДВФУ сдали 213 человек» (с. 112 дис.) и «в марте 2023 г. по всей стране в разных формах экзамен HSK сдавали около 1500 кандидатов» (с. 101 дис. со ссылкой на Т.Л. Гурулеву). На с. 131 дис. автор со ссылкой на Е.И. Медяник указывает, что в СОП «предположительно задействовано 68 российских и 65 китайских университетов», однако это данные 2018 г., в 2025 г. картина иная.

5) Некоторые части работы в большей степени носят описательный, а не аналитический характер. Так, автор описывает процесс открытия ИК в России до 2013 г. (с. 110-114 дис.), однако не указывает, сколько ИК и Классов Конфуция было открыто в этот период и какова динамика открытия по годам; то же касается периода 2013-2025 г.: автор отмечает, что «к 2013 г. в России функционировали 19 Институтов Конфуция...» (с. 139), что не так, поскольку последний, 19-й ИК Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева был открыт только в 2019 г. На с. 146-147 указано, что «на 2025 г. было создано шесть ассоциаций: Ассоциация технических университетов России и Китая...» (создана в 2011 г.), однако ранее на с. 96-97 дис. автор перечисляет названия 15-ти таких объединений, опять же не называя их точного количества.

6) В параграфе 3.4. автор исследует новые форматы для изучения китайского языка в РФ, причисляя к ним летние и зимние школы, индивидуальную академическую мобильность и общественные объединения (с. 143 дис.), а также «языковые центры» (с. 149 дис.). Нам представляется, что такие формы (за исключением «языковых центров») не являются новыми, поскольку возникли еще до 2013 г. В диссертации не упомянуты действительно новые формы экспорта китайского образования, следствием

которых является распространение китайского языка и культуры, такие как мастерские Лу баня (в МТУСИ, Уссурийском агропромышленном колледже), международные школы Китая (в Москве) и др.

7) Некоторые данные, приводимые в диссертации, не имеют указания на источник. Так, на с. 119 автор отмечает, что «в городах Дальнего Востока, таких как Хабаровск и Владивосток, благодаря их близости к КНР, более 30% школ ввели китайский язык в качестве обязательного иностранного». Сколько этих школ в абсолютных числах? Каков источник этой информации? Китайский язык введен там в качестве первого иностранного или второго? На с. 120 автор упоминает «Московскую школу восточного китайского». Что это за образовательное учреждение? Нам не удалось найти информации о нем в сети интернет.

Высказанные замечания не снижают значимости полученных результатов и не влияют на общую положительную оценку диссертации Ван То.

Содержание диссертационного исследования полностью раскрывает предложенную проблематику. Работу отличает внутреннее единство, четкая структура, богатый и литературный язык. Основные результаты диссертации докладывались и обсуждались на научных конференциях, по теме опубликованы четыре статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете РУДН и ВАК, которые достаточно полно отражают результаты проведенного исследования.

Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации.

Диссертация Ван То является квалифицированным, завершенным научным исследованием. В ней решена актуальная задача, имеющая как научно-теоретическое, так и практическое значение. Текст диссертации «Продвижение китайского языка в РФ как инструмент мягкой силы КНР в 2001 – 2025 гг.» в полной мере соответствует требованиям п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном

автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г. Автор диссертационного исследования Ван То заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

**Официальный оппонент**

Доктор педагогических наук  
(специальность 13.00.01 – общая педагогика,  
история педагогики и образования), профессор  
профессор кафедры теории  
и практики иностранных языков  
Института иностранных языков федерального государственного автономного  
образовательного учреждения высшего образования «Российский университет  
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**Гурулева Татьяна Леонидовна**

14 мая 2026 г.

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 9

Тел: +7(495) 699-08-16

E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

*Подпись Гурулевой Т.Л. удостоверяю.*

*Ученый секретарь Ученого совета  
института иностранных языков  
Российского университета дружбы народов  
им. Патриса Лумумбы  
к.т.н., доц.*

*Самозаин*

*Самозаин*

